

Когда Чжао Цзяньго возвращался из коммуны на велосипеде, он как раз увидел, что его возлюбленная с сердитым видом поднимается по меже, и поспешил спешиться, чтобы спросить, что случилось.

Увидев близкого друга, знающая Цзян тут же с обидой рассказала ему о только что произошедшем:

— Цзяньго, скажи, что не так с этим Гу Юем? Почему он просто не хочет меня слушать?

Лицо Чжао Цзяньго помрачнело, на сердце поднялось раздражение — он подумал, что этот Гу Юй только путается под ногами. Подняв на неё взгляд, он стерпел и успокоил её несколькими словами, а затем сказал, что сначала отвезёт велосипед домой, а потом пойдёт в пункт благоустройства помогать им ремонтировать крышу.

На лице знающей Цзян тут же появилась лёгкая улыбка, но в следующий миг она снова скисла:

— Но я всё равно хочу ещё раз уговорить Гу Юя.

— Эх... — Чжао Цзяньго легко вздохнул, не удержавшись, опустил голову и прикусил губу, до побеления сжав руль велосипеда. Впервые у него возникло непреодолимое желание дать этой женщине пощёчину, но в тот же миг в глубине его души необъяснимо хлынули волны сильной любви, мгновенно смыв весь его накопившийся гнев, и от него не осталось и следа.

Его взгляд слегка блеснул, затем он изогнул губы, поднял голову и посмотрел на неё с искренним выражением, смягчив голос:

— У Гу Юя упрямый характер, и он дорожит своей гордостью. Ты постоянно говоришь о его происхождении у всех на виду, конечно, он недоволен. Как насчёт такого? Я отвезу велосипед домой, а потом составлю тебе компанию и похожу с тобой по горе, чтобы убедить его, хорошо?

— Правда? Спасибо тебе, Цзяньго.

На лице знающей Цзян снова появилась улыбка, её руки сами собой сжали две тугие косы, свисающие на грудь, и она застенчиво переглянулась с ним. Её миндалевидные глаза хлопали, чёрные и блестящие, выглядя до крайности соблазнительно.

Чжао Цзяньго от этого зрелища вмиг оцепенел, а в груди у него всё запылало:

— Н-не за что!

— Угу! — знающая Цзян слегка кивнула. — Тогда... я пока вернусь в пункт благоустройства и буду ждать тебя там.

С этими словами она круто повернулась и побежала прочь. Чжао Цзяньго посмотрел ей вслед и мысленно поклялся, что должен как можно скорее избавиться от этого препятствия по имени Гу Юй, иначе знающая Цзян так до конца и не потеряет надежду и не бросится в его объятия.

— Хм! — холодно фыркнул он, сел на велосипед и поехал домой.

А в это время Гу Юй и Шэнь Цзянань только подошли к россыпи камней.

— Брат Гу, пока ещё рано, по пути зайти к коровнику и покорми корову, а я пока вернусь приготовить еду. Как вернёшься, сразу сядем ужинать.

— Ладно!

Гу Юй протянул ему мотыгу с плеча:

— Избавь меня от хлопот, отнеси её первой.

— Хорошо!

Парень ловко перехватил инструмент и закинул на другое плечо. Так у него на каждом плечу оказалось по мотыге. Он повернулся и с лёгким сердцем зашагал по горной тропинке. Видя, как он подпрыгивает на ходу, Гу Юй не удержался от предупреждения:

— Потише, смотри не упади.

— Ага! — Шэнь Цзянань не стал оборачиваться, лишь звонко бросил в ответ, а затем послушно сбавил шаг. Только после этого Гу Юй со спокойной душой направился к коровнику.

Парень с мотыгами поднялся в гору и издалека увидел тот убогий маленький дворик. В конце горной тропы тянулась полуметровая ограда из щебня и глины.

Толкнув калитку и войдя внутрь, он увидел, что у северной стены пристроены две соломенные хижины: одна для жилья, другая под хлам. Чуть дальше от хижин, ближе к дороге, стоял полуоткрытый навес, служивший кухней.

Прямо напротив него, примерно в метре от угла стены, бил естественный родник. Вода текла круглый год не иссякая, толщиной примерно в палец, сладкая и освежающая на вкус — настоящее спасение от жары.

А ниже по склону от многолетнего журчания воды постепенно образовалась лужа размером с бадью и глубиной около метра.

Когда Гу Юй был сослан сюда жить, он сам выдалбливал острым камнем водоотводной жёлоб шириной в ладонь, уходящий вглубь за лужей и тянувшийся до самого обрыва. Благодаря этому использованную грязную воду можно было выливать прямо туда, и она стекала по жёлобу в заросли сорной травы и кучу камней под горой.

Слева от ворот, вдоль угла стены, шла грядка, на которой были посеяны семена овощей, и там уже пробивались редкие зелёные побеги. Поскольку всё ещё действовала система коммун и общий котёл, кроме небольших участков под окнами и во дворах собственных домов, каждая травинка и деревце вокруг принадлежали государству.

Впрочем, сейчас продовольствия было мало, и люди повсеместно недоедали, поэтому в деревне молчаливо закрывали глаза на некоторые вольности: неважно, идёшь ли ты охотиться в горы, собирать дикие ягоды, ловить рыбу в реке или ракушки.

Пока у тебя хватало ума и сил добыть что-то и добровольно сдать часть в производственную бригаду, обычно никто ничего не говорил. Конечно, находились чересчур принципиальные люди, которые не умели ладить с другими — если такой тайком шёл на тебя доносить, это уже было совсем другое дело.

Поэтому деревенские жители нечасто без нужды отправлялись в горы или на реку, если только не приближались праздники, организуемые секретарём бригады Чжао Цзяньчэном, либо если не ходили втайне ото всех. Но даже эти смельчаки, боясь разоблачения, отправлялись под покровом темноты в дом семьи Чжао сделать небольшой подношение.

Семья Чжао Цзяньчэна за счёт этих даров жила припеваючи, и в то же время аппетиты у них становились всё больше и больше.

Парень оставил мотыгу у стены, встал и отряхнул пыль с рукавов, а затем подошел к роднику вымыть руки. Только после этого он вошёл на кухню, потянулся к связке перца прямо над плитой, сорвал два стручка, присел, вытащил из старой корзины у стены две картошки и два батата, бросил их в таз, помыл, нарезал и оставил наготове.

После этого он зачерпнул миску кукурузной муки и высыпал её в надколотое сито. Заметив, что там ещё осталось много немолотых шелушинок, Шэнь Цзянань, боясь, что они будут царапать горло, вынес сито на порог и с подветренной стороны слегка потряс его, просеивая шелуху.

Пока в сите не осталась одна золотистая кукурузная мука, он не прекращал движений. Затем он вернулся в навес, высыпал муку в небольшой таз, добавил немного чистой воды и размешал до консистенции кашицы.

После этого он разжёг огонь, налил в чугунный котел три больших ковша воды и, пока вода была ещё холодной, влил туда кукурузную болтушку, постоянно помешивая ложкой, чтобы она не пригорела и не взялась комками.

Как только золотистая кукурузная каша забурлила, Шэнь Цзянань быстро вытащил нарезанный и замоченный в воде батат и бросил его в чугунок вариться вместе со всем остальным.

Вообще-то он больше любил чистую кукурузную кашу, но если варить её без примесей, от неё не будет сытости, к тому же уйдёт много муки. У него-то самого были продуктовые талоны на мясо и прочее, так что в еде он не нуждался, но приходилось учитывать и чувства Гу Юя.

Тот человек гордый и никогда не соглашался пользоваться чужой добротой или брать что-то даром лишний раз; впрочем, и другим никому не позволялось поживиться за его счёт — за исключением знающей Цзян.

Переложив готовую кукурузную кашу в фарфоровую миску и накрыв её плетёным колпаком, Шэнь Цзянань принялся мыть котел перед готовкой. У них была всего одна чугунная сковорода, да и та — с коровника, где в ней варили корм для свиней. Поскольку половина её была отбита, бригаде она больше была не нужна, и он выпросил её с бесстыдным видом.

Иначе до переезда в полугорную хижину Гу Юй варил и жарил еду в эмалированной кружке для воды. Та кружка была насквозь закопчена дровами, из-за чего Шэнь Цзянань потом долго смеялся.

Вымыв чугунок и водрузив его на очаг, он подбросил дров, отчего на дне сразу затрещало. Помахивая кухонной щеткой, он быстро прошёлся ею по посуде, смахнув лишнюю влагу, затем взял лопатку, собираясь зачерпнуть масла для готовки, и только тут вспомнил, что их с прежним хозяином ценные вещи лежали в комнате.

Пришлось отложить лопатку, бегом вернуться в дом и достать из угла кровати алюминиевую коробочку из-под рисовых пайков, где хранилось масло. По дороге обратно на кухню он открыл крышку.

Увидев, что на дне остался лишь тончайший слой жира, он легко вздохнул, подцепил ложечкой комочек размером с мизинец, тут же захлопнул крышку и поспешно бросил масло в раскалившийся котел, чтобы оно растопилось.

С-с-с-с...

Заметив, что над котлом поднялся сизый дымок, Шэнь Цзянань быстро закинул перец, чтобы он прожарился до хруста, следом бросил тонко нарезанный картофель и раз десять обжарил его, приправил щепоткой соли и еще раз хорошенько перемешал. Простое блюдо — острая обжаренная соломка из картофеля — было готово.

Переложив еду в миску и накрыв плетёным колпаком, Шэнь Цзянань вытащил из печи лишние дрова, оставив их догорать на завтра. Сейчас ничего нельзя было хранить впрок, боясь совершить ошибку, особенно учитывая, что за Гу Юем все следили, так что какими бы ни были

запасы, их старались расходовать как можно экономнее.

Выйдя из кухни и увидев, что солнце уже село, а Гу Юй всё ещё не вернулся, Шэнь Цзянань подумал, что раз уж выдалась свободная минута, стоит захватить ведро у стены и полить грядки во дворе. Но закончить дело он не успел: до слуха парня донёлся сладкий голос знающей Цзян, доносившийся снизу от тропинки.

Он поспешно бросил черпак с ведром, быстрым шагом подошёл к ограде и, согнувшись в три погибели, заглянул вниз.

Там те самые голубки, прижимаясь друг к другу, поднимались по тропинке.

Знающая Цзян с застенчивым блеском в глазах глянула на Чжао Цзяньго, и её нежный, мягкий голосок раздался между ними:

— Цзяньго, спасибо тебе за то, что заступился за меня, иначе я бы даже не знала, что и делать.

Чжао Цзяньго от этих слов млел так, что у него ослабли руки и ноги, он глупо улыбался, глядя на неё, и уже едва разбирал дорогу:

— Не зарикайся, они тебя не понимают, а я понимаю.

— Угу!

Заметив его одурманенный взгляд, знающая Цзян застенчиво закусил губу и опустила голову:

— Т-ты под ноги смотри.

— А, хорошо!

Хотя Чжао Цзяньго так и сказал, взгляд его не сместился ни на полдюйма. Шэнь Цзянаню от этого зрелища стало тошно, он не удержался и прикусил палец, лихорадочно соображая, как поступить. Тут его осенила идея, он скосил глаза на стоявшую рядом полупустую бадью с водой, ехидно ухмыльнулся, подбежал к ней и ловко зачерпал руками несколько пригоршч чёрной земли, размешав её внутри.

После этого он за одну ручку приволок бадью к калитке, спрятался за ней и стал терпеливо поджидать приближения парочки. Только он никак не ожидал, что на дорогу, которую обычно проходят за пять-шесть минут, эти двое в своём миковании потратят добрых минут десять.

Шэнь Цзянань молча закатил глаза, думая про себя, что уж в этот раз точно окажется меток и

заставит этих психов хорошенько опозориться.

Наконец, когда его терпение почти иссякло, парочка поднялась на середину горы. Чжао Цзяньго наконец оторвал прилипший к возлюбленной взгляд и вернул себе рассудок. Поравнявшись с калиткой, он заговорил с ней на ходу:

— Хунмэй, ты же в пункте благоустройства говорила столько хорошего о Гу Юе, а они ни во что тебя не ставят! Мне так обидно за тебя.

Он замолк на секунду, бросил на неё косой взгляд и, заметив обиженное выражение лица, поспешил смягчить тон:

— Хунмэй, я хочу, чтобы ты впредь думала больше о себе и не убивалась из-за человека, который не умеет быть благодарным. И уж тем более не ходи упрашивать этих городских знающих относиться к нему как ко всем остальным. Он же представитель контрреволюционного элемента, а-а-а...

Шэнь Цзянань, прятаясь за оградой и слышавший, как этот человек поливает грязью Гу Юя, почувствовал, как в груди вспыхивает яростное пламя. Как только они подошли ближе, он мгновенно схватил ту бадью с водой, вихрем выскочил к калитке и, нарочно крикнув напоказ, от всей души окатил обоих мутной жижей.

— Осторожно!

Плюх! — вода окатила их с ног до головы.

Знающая Цзян и Чжао Цзяньго от неожиданного окрика даже не успели сообразить, как их промочило насквозь грязной жижей.

— А-а-а-а!

Знающая Цзян от внезапного происшествия зажмурилась и завизжала, а Чжао Цзяньго ошеломленно уставился на стоявшего перед ним парня с ведром, с полуоткрытым ртом, полным грязной воды.

— Ой-ой-ой! Прошу прощения, я шёл слишком быстро и не успел затормозить! Вы в порядке?

Шэнь Цзянань изобразил на лице крайнее раскаяние, но злорадство в его глазах скрыть было невозможно. Чжао Цзяньго взбесился окончательно, гнев ударил ему в голову; он выплюнул воду и бросился на парня с кулаками:

— Шэнь Цзянань, сукин сын, я тебе этого не прощу!

— Эй-эй-эй! Ты чего?!

Увидев, что кулак сейчас врежется ему в лицо, Шэнь Цзянань испуганно отпрыгнул назад во двор и одновременно поднял ведро, прикрываясь им как щитом.

Бум!

Кулак глухо врезался в дерево. Шэнь Цзянань от инерции отступил на пару шагов и чуть не рухнул на землю.

А Чжао Цзяньго почувствовал, как в суставах пронзила острая, пронизывающая насквозь боль, от которой он взвыл в голос:

— А-а-а-а! Моя рука!

Он отскочил на несколько шагов назад, тряся кулаком, здоровой левой рукой бережно придерживая вывихнутое правое запястье, и со злобой уставился на обидчика:

— Шэнь Цзянань, как ты смеешь нападать изподтишка?!

— Тьфу! Да ты мастер переворачивать факты с ног на голову, прямо-таки высший класс!

Шэнь Цзянань закатил глаза и уже было открыл рот, чтобы ответить колкостью, как вдруг до него донеслись обрывки голосов снизу с тропы:

— Сегодня солнце такое палящее!

— Точно, у меня даже лицо сгорело!

— А ты чего соломенную шляпу не надела?

— Ой, и не говори! Вчера, когда в туалет ходила, оставила её на меже, а вернулась — какой-то урод утащил!

— Совсем стыд потеряли, шляпу и ту украли...

Услышав это, парень сразу узнал в последнем голосе деревенскую сплетницу Нью Чуньхуа. Его тут же осенила идея: он мгновенно с кислой миной повернулся к Чжао Цзяньго и принялся отчитывать его самым бесцеремонным образом:

— Вы сами заявили сюда без приглашения, орёте под воротами, ещё и вздумали напасть на меня, чтобы отнять чужие вещи! А теперь, когда сами пострадали — ударились рукой о ведро — пытаетесь свалить вину на меня, бессовестные!

— Ты всё врешь!

Знающая Цзян, услышав, как он так несправедливо обвиняет её с другом, вышла из себя и закричала в ответ:

— Шэнь Цзянань, прекрати нести чушь! Мы с Цзяньго вообще-то пришли к Гу Юю...

— Я ещё до тебя не дошёл!

Голос Шэнь Цзянаня резко взлетел, он свирепо зыркнул на неё. Знающая Цзян испуганно вздрогнула и на мгновение потеряла дар речи. Не успела она опомниться, как этот парень принялся распускать грязные слухи уже о ней и Чжао Цзяньго:

— Вы двое припёрлись в горы грязные как свиньи, поленились даже переодеться дома, воняете на всю округу и заявили к чужим людям — ни капли манер!

— Шэнь Цзянань! Не болтай ерунды, между мной и Цзяньго ничего нет! — с уязвленной яростью завопила знающая Цзян. — Это ты нас облил водой...

— Ой мамочки, вы слышали? Старший сын секретаря с этой знающей Цзян в кустах милуются!

Не успела она договорить, как её слова потонули в новой волне голосов снизу, поднимавшихся всё громче.

— Чему тут удивляться, они вечно глазами друг другу строили.

— Не мели чушь! Хунмэй любит Гу Юя!

— Да это ты слепой! Разве не видишь, что эта шалава использует Гу Юя как раба? Ей нравятся сынки влиятельных секретарей!

— Эх вы, ума-то палата! По мне, так Хунмэй ни на кого из них не запала, просто использует двух дураков для охраны, чтобы жить полегче. А как переждёт это время и вернется в город, так пинком их под зад — и замуж за мужчину с железной миской. Вольготная жизнь, одно удовольствие!

— Какое безобразие, как они могут так клеветать на людей?! Я... я пойду с ними разберусь! —

услышав эти пересуды, знающая Цзян перепугалась и рассердилась ещё больше. В нынешние времена, когда обычная близость между мужчиной и женщиной уже вызывала пересуды, что уж говорить о таких обвинениях!

Хотя между ней и Чжао Цзяньго ничего не было, но выглядели они и правда как извалявшиеся в грязи свиньи, да ещё и двусмысленные слова Шэнь Цзянаня — если не объясниться прямо сейчас, обоим точно несдобровать.

Шэнь Цзянань решил её погубить! Знающая Цзян от злости и обиды чуть не плакала. Подумав о том, что ей нельзя оставлять эту клевету безнаказанной, она со слезами развернулась, выскочила из двора и, встав на тропинке посреди горы, со злостью и обидой закричала вниз сплетницам:

— Вы, язычницы деревенские, до чего же грязно мыслите! Мы с Цзяньго чисты перед людьми, в горы поднялись исключительно ради того, чтобы найти Гу Юя и вместе пойти помочь пункту благоустройства починить крышу! А вы тут насочиняли всякого, совсем воспитания нет! Я сию же минуту пойду к секретарю Чжао, пусть он рассудит, какое наказание положено за подобную клевету!

— Пфф! — Шэнь Цзянань, услышав слова знающей Цзян, не удержался и фыркнул, сжав губы. В обычные дни она либо тайком встречалась с Гу Юем, либо с наступлением темноты убегала к озеру гулять и беседовать с Чжао Цзяньго, особо этого не тая.

А теперь, испугавшись скандала, только сильнее запятнала себя, да ещё и настроила против себя баб снизу — теперь ей точно не поздоровится!

Он мысленно покачал головой: в первоначальной версии истории автор вечно расстилал перед знающей Цзян зелёную дорожку, иначе с таким умом она бы, пожалуй, ещё до всяких шашней с Чжао Цзяньго заработала себе смертельный удар от односельчан.

<http://bllate.org/book/22418/2353670>